

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Л. Е. Куббель

ДОКОЛОНИАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ АФРИКИ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТНОГРАФИИ *

Задача настоящего сообщения — кратко обрисовать ведущие тенденции, проявляющиеся при изучении доколониальных политических структур Тропической Африки в западноевропейской немарксистской этнологии и проследить их эволюцию во времени, начиная с тех работ, которые, по мнению большинства авторов, положили начало «политической антропологии», т. е. изучению институтов власти и управления как особой отрасли этнографической науки. Выбор западноевропейских, преимущественно британских и французских, исследований вовсе не означает, что это направление в западной науке ограничивается лишь странами Западной Европы. Наоборот, американская культурная антропология с 60-х годов нашего столетия все более широко обращается к рассмотрению политической организации «доиндустриальных», по преобладающему на Западе обозначению, обществ и в этой связи — и к африканскому материалу. Становление и развитие исследований в этом направлении происходило в США под сильным воздействием взглядов и традиций западноевропейской науки — хотя бы в силу того обстоятельства, что за последние полтора десятилетия некоторые виднейшие ее представители, в частности африканисты Я. Вансина, Дж. Миддлтон, Э. Саутхолл, переехали для работы в американские университеты. Это само по себе подчеркивает важность первоочередного изучения западноевропейских работ. Более существенно, однако, то, что к настоящему времени в США сложилась уже вполне самостоятельная и к тому же довольно заметно отличающаяся как от британской, так и от французской традиция изучения политических структур. Она заслуживает специального рассмотрения, которое не может быть предпринято в рамках настоящей работы.

Политическая антропология возникла в европейской науке на рубеже 40-х годов как ответ на практические потребности колониального управления в африканских колониях европейских держав. Этнографические исследования в целом вплоть до начала 50-х годов носили в основном прикладной характер: преимущественный интерес вызывали аспекты жизни изучаемого общества, могущие иметь прямое отношение к практике колониальной администрации. Существовали определенные нюансы в подходе к выбору объектов исследования: французам при их системе прямого управления и сохранении ориентированного на монокультуру африканского крестьянского хозяйства поневоле приходилось в той или иной степени интересоваться производственными, в частности поземельными, отношениями, тогда как британских антропологов занимали в первую очередь явления и институты, важные для осуществления преобладавшей в британских владениях политики «непрямого управления». Другими словами, для британских исследователей главный интерес представляли как раз политические структуры народов колоний. Этим и объясняется, что именно британские ученые стали создателями

* В обзоре термины «этнография», «этнология» и «социальная антропология» употребляются как синонимы.

специализированной области «социальной антропологии» — политической антропологии (впрочем, самое это название утвердилось гораздо позднее, уже в 60-х годах). И первым опытом анализа традиционных политических структур и институтов в Африке на материале, более широком, нежели какая-то одна этническая общность, стал сборник «Африканские политические системы», увидевший свет в 1940 г.¹ Он включил исследования по восьми народам тогдашних африканских владений Великобритании, выполненные такими видными специалистами, как М. Фортес, М. Глукман, И. Шапера, О. Ричардс и др. С этого сборника и ведется, как правило, история политической антропологии².

Однако до того как приступить к анализу концепций западноевропейской политической антропологии, необходимо остановиться на весьма важном принципиальном различии, существующем между взглядами ученых-марксистов и буржуазных исследователей в этой области. Дело в том, что для последних государство и государственность — вовсе не институт, характерный для определенной стадии общественного развития, именно — для общества с антагонистическими классами, каким считают его марксисты, а всего только ступень в эволюции политической системы, т. е. установлений и институтов, осуществляющих функции управления обществом и отправления власти в нем. При этом речь идет о любом обществе — от первобытного до «постиндустриального». Ясно, что такой подход попросту игнорирует стадийные различия между обществами разных уровней развития. В конкретных же условиях исследования африканских политических образований доколониального времени он приводит во многих случаях к неоправданному «завышению» представлений об уровне их общественно-экономического развития. Этому способствует еще и довольно распространенное (и, к сожалению, не только в западной литературе, но и у африканистов социалистических стран) некритическое применение привычной нам терминологии, отражающей политические явления и институты, возникшие в совершенно иной исторической обстановке, нежели та, в какой сложились и функционировали социальные организмы доколониальной Африки. Проблема эта в советской африканистике рассматривалась Д. А. Ольдерогге и О. С. Томановской³; в обзоре она затронута единственно для того, чтобы подчеркнуть необходимость осторожности при обращении к трудам западных этнологов.

Точно так же существует довольно заметное различие в понимании самых терминов «политика» и «политическое», общепринятом у нас и в буржуазной науке. Для марксистов политическими могут считаться, строго говоря, лишь отношения, характерные для общества с антагонистическими классами, т. е. для «государственного» общества⁴. Это, однако, ни в коей мере не отрицает того, что марксистская наука признает существование каких-то органов и механизмов управления и в доклассовом обществе. Именно для того, чтобы разграничить эти явления, и было предложено Ю. В. Бромлеем определение «потестарный» для обозначения отношений власти и властвования в обществах с еще не сложившейся классовой структурой⁵. Для исследователя же немарксиста политическими оказываются и отношения внутри обществ, никогда не

¹ «African political systems. Ed. by M. Fortes and E. E. Evans-Pritchard». London, 1940.

² См.: M. Gluckman and F. Eggan. Introduction.—In: «Political systems and the distribution of power». London, 1965, p. XX; G. Balandier. *Anthropologie politique*. Paris, 1967, p. 5—27.

³ Д. А. Ольдерогге. Проблемы происхождения государства (по африканским материалам). Доклад, прочитанный в Ленинградских отделениях институтов этнографии и востоковедения Академии наук СССР. Л., 1970; О. С. Томановская. Опыт отображения на исторических картах политических образований Западной и Центральной Африки.— В кн.: «Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР», Л., 1972, с. 51; *ее же*. Изучение проблемы генезиса государства на африканском материале.— В кн.: «Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Д. А. Ольдерогге». М., 1973, с. 269—272.

⁴ См., например, определение Ф. М. Бурлацкого: «Политика — это форма взаимоотношений между классами, социальными группами, нациями, связанная прямо или косвенно с проявлениями власти и деятельности властвования, понимаемой как способность принудить большие массы людей к выполнению тех или иных задач и решений» (Ф. М. Бурлацкий. Ленин. Государство. Политика. М., 1970, с. 47, 48).

⁵ Ю. В. Бромлей. Опыт типологизации этнических общностей.— «Сов. этнография», 1972, № 5, с. 63.

имевших государственности, например, у тив и в высокоразвитых феодальных государствах Северной Нигерии.

Определения содержания понятия «политическое», даваемые в трудах западноевропейских ученых, отличает чисто формальный подход, причем характерно, что он сохраняется на протяжении многих лет. Для сравнения полезно привести несколько таких дефиниций, начиная с самой первой в политической антропологии, принадлежащей А. Рэдклифф-Брауну. Она гласит: «Политическая организация общества — та часть всеобщей его организации, которая занимается контролем и регулированием применения силы»⁶.

Аналогичное определение дает и Л. Фоллерс: «Политические институты — это правила, руководящие законным применением силы, но не социальные единицы, к которым эти правила прилагаются»⁷.

Недостаточность такого ограничения содержания «политического» одним только организованным применением силы довольно рано стала беспокоить самих западноевропейских исследователей. Поэтому в конце 50-х годов Дж. Миддлтон и Д. Тэйт предложили определение более широкое и в большей степени учитывающее реальное положение дел. По их мнению, «политические отношения — это те отношения, в которых лица или группы осуществляют власть и авторитет ради поддержания социального порядка в рамках некой территории»⁸.

Но самые широкие определения принадлежат Ж. Макэ и И. Шапере. Первый из них полагает, что политическое — это «совокупность всех отношений между управляемыми и управляющими»⁹. Конечно, этой дефиниции нельзя отказать в широте. Но в ней, во-первых, совершенно исчезает представление о цели таких отношений, во-вторых, не принято во внимание, что отношения между управляемыми и управляющими включают, скажем, и такие отношения, как экономические, которые не сводятся только к политическому аспекту; и в-третьих, забыто то, что и взаимоотношения между разными группами среди управляющих и управляемых тоже не могут быть исключены из категории «политического».

Более интересно определение И. Шаперы; оно было выдвинуто им в противовес цитированному выше определению Рэдклифф-Брауна и потому выглядит прежде всего как определенное уточнение формулировки, принадлежащей последнему. Политическая организация, говорит Шапера, это «та часть всеобщей организации, которая занимается установлением и поддержанием внутренней кооперации и внешней независимости»¹⁰. Здесь мы впервые встречаем упоминание о «внутренней кооперации», т. е. в конечном счете — о политических отношениях как средстве обеспечить функционирование общества как целостного народнохозяйственного организма. Это, безусловно, выгодно отличает точку зрения Шаперы от взглядов большинства остальных авторов. Но в то же время нельзя не обратить внимание на то, что в этом определении смешаны критерии разных уровней: если внутренняя кооперация охватывает всю совокупность функционирования общества, то внешняя независимость — всего лишь одна из сторон такого функционирования.

Впрочем, такое смешение у Шаперы не случайно. Именно независимость от внешних влияний становится у него важнейшим, определяющим фактором понятия «политической общины» (*political community*): «Под политической общиной я разумею группу людей, организованную в единое целое, управляющее своими делами независимо от внешнего контроля»¹¹. И именно основываясь на этом признаке, Шапера выдвигает тезис о том, что можно-де рассматривать как сходные единицы локальную группу горных дамара и огромную в сравнении с нею народность суто, невзирая на различия в

⁶ A. R. Radcliffe-Brown. Preface.— In: «African political systems», p. XXIII.

⁷ L. A. Fallers. Bantu bureaucracy. A study of integration and conflict in the political institutions of an East African people. Cambridge, 1956, p. 5.

⁸ «Tribes without rulers. Studies in African segmentary systems. Ed. by J. Middleton and D. Tait». London, 1958, p. 1.

⁹ J. Maquet. Une hypothèse pour l'étude des féodalités africaines.— «Cahiers d'Etudes Africaines», v. II, 1960, № 6, p. 295.

¹⁰ J. Schapera. Government and politics in tribal society. Josiah Mason lectures delivered at the University of Birmingham. London, 1956, p. 218.

¹¹ I. Schapera. Указ. раб., с. 8.

размерах и даже сложности общественного устройства и организации¹². Перед нами — чистейший пример формального подхода к оценке общественных организмов, совершенно не принимающего во внимание разницу в уровне развития того или иного из них. Кроме того, если принять эту точку зрения, то оказывается невозможным отнести к политическим отношениям между данниками и получателями дани (хотя, понятно, эти отношения, не чисто политические и даже не главным образом политические). Видимо, Шапера сам чувствовал уязвимость своего критерия; поэтому он оговорил, что не имеет в виду, скажем, взаимоотношения между колониальной администрацией и «туземными властями». Однако и эта оговорка подверглась критике со стороны Э. Саутхолла на том справедливом основании, что таким образом определение лишается важнейшей черты любого определения — всеобщности¹³.

Небезынтересно заметить, что формалистский подход Шаперы возник как реакция на не менее формальный подход к анализу африканских доколониальных политических структур, проявившийся в упоминавшемся уже сборнике «Африканские политические системы», в особенности в предисловии А. Рэдклифф-Брауна и во введении, написанном М. Фортесом и Э. Ивенс-Притчардом. Авторы введения утверждали, что никакая «политическая философия» не применима при осмыслении традиционных африканских обществ. Восстановить историческое развитие изучаемых институтов невозможно, да, собственно, и ни к чему: единственная цель исследования — объяснить черты сходства между разными обществами, а внутри этих обществ — взаимозависимость данных институтов с прочими чертами социальной организации¹⁴. Исходя из таких посылок, выбирается и принцип классификации традиционных обществ: наличие или отсутствие правительственной власти и соответственно разрывов в статусе, богатстве и привилегиях между членами общества (при этом второе мыслится производным от первого); эти типы общества получили обозначения «А» и «В».

Легко видеть, что эти группы «А» и «В» не просто различаются по уровню политической организации. Речь идет фактически о стадийно разных уровнях социально-экономического развития, и чисто формальный принцип разграничения — *primitive state* и *stateless society* — не отражает принципиального различия между этими уровнями. Проще говоря, сравниваются вещи, по существу несравнимые. Тип политической организации соотнесен лишь с численностью населения: чем она больше, говорят Фортес и Ивенс-Притчард, тем выше тип политической системы. Это справедливо в том отношении, что увеличение численности группы, конечно, усложняет управление ею; но численность населения берется здесь вне связи с уровнем экономического развития, который в конечном счете как раз и определяет ее. И хотя признается, что формы хозяйства (*modes of livelihood*) воздействуют на социальную и политическую организацию, остается неясным, чем объяснять различия в таковых при совпадении этих форм.

Точно так же, несмотря на признание наличия в обществах типа «А» экономических привилегий меньшинства, даже не ставится вопрос о возможности каких-то форм эксплуатации соплеменника (хотя в этой же книге К. Оберг, описывая государство Анколе, прямо говорил об эксплуататорской сущности «несбалансированных», по его определению, отношений между хима и иру вместе с другими, «промежуточными» социальными группами¹⁵). И в конце концов, основное различие между «пирамидальными» А-системами и «сегментными» В-системами оказывается, по Фортесу и Ивенс-Притчарду, целиком лежащим в сфере применения и функций организованного насилия¹⁶.

Конечно, признание существования экономических привилегий уже предполагает и допущение возможности какого-то общественного недовольства и попыток против таких привилегий бороться. На это, собственно, обращали внимание и К. Оберг, и М. Глукман уже в «Африканских политических системах»¹⁷. Не могли обойти эту проб-

¹² I. Schapera. Указ. паб., с. 8.

¹³ A. W. Southall. A critique of the typology of states and political systems.— In: «Political systems and the distribution of power», p. 135.

¹⁴ M. Fortes and E. E. Evans-Pritchard. Introduction.— In: «African political systems», p. 4, 5.

¹⁵ K. Oberg. The kingdom of Ankole in Uganda.— In: «African political systems», p. 131—133, 145—150.

¹⁶ M. Fortes and E. E. Evans-Pritchard. Указ. паб., с. 7—9, 11, 12, 14, 20.

¹⁷ K. Oberg. Указ. паб., с. 149, 150; M. Gluckman. The kingdom of Zulu in South Africa.— In: «African political systems», p. 44, 45.

лему и более поздние авторы. Из британских исследователей первым затронул ее И. Шапера. Его точка зрения сводится к тому, что вовсе не обязательно принять марксистскую концепцию классовой борьбы, чтобы признать, что в более сложных, по его справедливому определению, нежели общества бушменов и горных дамара, общества готтентотов и южноафриканских банту могут быть какие-то общественные группы, nedовольные своим приниженным социальным статусом, или бывшие независимые, утратившие эту свою независимость и желающие ее вернуть (характерно, что Шапера здесь старается обойтись без упоминания экономических факторов, сводя дело в основном к престижным соображениям). И потому-де нужно установить, в какой мере вождь отождествляет себя с тем или иным классом (понятно, что этим словом обозначается отнюдь не класс в марксистском смысле, а скорее группа равного статуса) и как это влияет на его личную власть. Здесь Шапера снова смешивает разные аспекты вопроса: то, что вождь поддерживает привилегии своего социального stratum'a, т. е. отношения неравенства в обществе, касается всего общественного организма в целом. Соперничество же за пост вождя или за распределение его имущественных и престижных милостей происходит в рамках ограниченной, по сути своей элитарной группы, а не на уровне всего общества¹⁸. Таким образом, попытка показать «ненужность» марксистской точки зрения оказывается несостоятельной.

Впрочем, вопрос существенного неравенства и эксплуатации в традиционных африканских обществах в британских работах затрагивался сравнительно редко. Хотя надо сказать, что как раз в монографии одного из самых авторитетных англоязычных авторов — Я. Наделя — о государстве Нупе в Центральной Нигерии, пожалуй, с полной определенностью говорится об эксплуатации — как в форме экономических привилегий трех последовательно друг друга сменявших династических групп фульбской знати, так и в виде использования в качестве орудий эксплуатации традиционных общественных институтов (например, общества по борьбе с ведьмами), равно как и о возрастании роли богатства как дифференцирующего социального фактора¹⁹.

Заслуживает быть отмеченным и то, что как раз Надель был в британской антропологической литературе первым, кто применил к доколониальному африканскому обществу понятие «классовое». Конечно, и его определение класса имеет мало общего с марксистским, хотя оно и более широко и более объективно, чем то, какое давал впоследствии Шапера (см. выше). По Наделю, «социальный класс — это сложный феномен, результирующая многих факторов, главным образом политических, экономических, профессиональных и образовательных... Мы должны рассматривать социальный класс в двух аспектах. Первый — это твердо установленные и сравнительно постоянные различия в действительном поведении — разница в жизненном стандарте, обычном поведении, занятиях и моральных ценностях. Второй — аспект социальной деятельности, который закрепляет за этими различиями в поведении определители „высший“ или „низший“ и заставляет их отражать разные ступени общей шкалы ценностей»²⁰. Таким образом, хотя исследователь и включил экономические категории в условия сложения класса, само это понятие в его трактовке оказалось, однако, чисто поведенческим и культурным. И именно наделевское определение легло в основу почти всех последующих трудов тех британских политических антропологов, которые признавали в той или иной форме существование в доколониальных африканских обществах социальных классов.

Точно так же велико было влияние Наделя и на определение того, что такое государство. Надель считал государством политическую систему, отвечающую трем главным критериям: территориального суверенитета; наличия централизованного аппарата власти, обеспечивающего поддержание закона и порядка; существования особой привилегированной группы, или «класса», коллективно монополизирующей осуществление политического контроля²¹. Практически большинство позднейших британских исследователей принимают эти критерии за исходные даже тогда, когда от них отталки-

¹⁸ I. Schapera. Указ. раб., с. 135, 136.

¹⁹ S. F. Nadel. A Black Byzantium. The kingdom of Nupe in Nigeria. London — New York — Toronto, 1942, p. 90, 98, 142.

²⁰ S. F. Nadel. Указ. раб., с. 127, 128.

²¹ Там же, с. 69.

ваются: дискуссия рано или поздно сводилась к обсуждению степени централизованности того или иного политического образования.

Тем не менее при всем авторитете, каким пользовались у британских антропологов «Африканские политические системы» и «Черная Византия» Наделя, недостаточность предлагаемых этими работами признаков классификации стала очевидна уже к началу 50-х годов. Существо вопроса довольно точно определил уже значительно позднее сенегальский ученый П. Диань, менее связанный уважением к традиции британской политической антропологии, чем сами британцы. В книге, изданной Фортесом и Ивенс-Притчардом, отметил он, «конкретный социальный опыт, выраженный в социальных и экономических структурах, которые обуславливают политическую организацию, упоминается, но ни разу не ведет к определению таких критериев, какие наверняка способствовали бы приданию этой типологии более богатого содержания»²². Здесь следует также сказать, что помимо логики развития самой науки, на что вполне справедливо указывают и некоторые западные исследователи, к уточнению знаний об африканских политических институтах толкали и практические нужды неокOLONИАЛИСТСКОЙ по своей сути британской политики в обстановке кануна ликвидации колониальной системы²³.

Однако до того как выяснилось, что необходима новая система критериев, британские исследователи попробовали разрешить возникавшие трудности путем уточнения типологии, предложенной в «Африканских политических системах». Первой такой попыткой стала работа Дж. Барнса о политических отношениях в одной из групп нгони на территории тогдашнего Ньясаленда (Малави), увидевшая свет в 1954 г. Барнс задался вопросом: не может ли сегментная организация сочетаться с государственной — и дал на него утвердительный ответ²⁴. Следующим этапом оказалась вышедшая двумя годами позднее книга Э. Саутхолла об алурах Уганды²⁵.

Понимая, как и Барнс, недостаточность жесткой дихотомии *stateless society* — *primitive state*, Саутхолл предложил ввести в типологию понятие «сегментного государства» (*segmentary state*), расширив употребление понятия «сегментное общество», выработанного Э. Дюркгеймом еще в конце прошлого века²⁶. Надо, правда, оговориться, что совместимость государства и сегментной организации не отрицал и один из создателей типологии «Африканских политических систем» М. Фортес. Но для него речь шла только о возможности сохранения сегментных структур в сравнительно мелких подразделениях, но не в государственном организме в целом²⁷.

По существу, «сегментное государство» Саутхолла — это политическая организация общества, находящегося на стадии перехода от родового строя к классовому. Британский исследователь не был, конечно, знаком с марксистскими работами, рассматривавшими этот этап исторического развития, да и подходил он к вопросу с чисто политической точки зрения. И все же заслугой Саутхолла было то, что он вышел за рамки жесткого функционального подхода и попробовал приложить понятие «сегментного государства» к тем политическим образованиям раннесредневековых Европы и Азии, которые в марксистской историографии определяют как военные демократии, раннефеодальные или варварские королевства²⁸. Притом Саутхолл отметил, что в большинстве случаев такие государства не соответствовали критериям Наделя²⁹. Однако в основе его классификации все же оставался формальный принцип: наличие или отсутствие в «сегментном обществе» специализированных административных

²² P. Diagne. Pouvoir politique traditionnel en Afrique Occidentale. Essais sur les institutions politiques precoloniales. Paris, 1967, p. 16.

²³ J. Lombard. L'anthropologie britannique contemporaine. Paris, 1971, p. 236.

²⁴ J. A. Barnes. Politics in a changing society. A political history of the Fort Jameson Ngoni. Cape Town — London — New York, 1954, p. 47—54.

²⁵ A. W. Southall. Alur society. A study in processes and types of domination. Cambridge, 1956.

²⁶ E. Durkheim. De la division du travail social. Paris, 1893.

²⁷ M. Fortes. The dynamics of clanship among the Tallensi. London, 1945, p. 232, 234.

²⁸ Ср., например: С. П. Толстов. Военная демократия и проблема «генетической революции». — В сб.: «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 11—12; А. И. Неусыхин. Дофеодальный период как переходная стадия от родо-племенного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья). — «Вопросы истории», 1967, № 1.

²⁹ A. W. Southall. Alur society, p. 253.

институтов. Что же касается причин появления такого рода институтов, то Саутхолл сводит их главным образом к необходимости обеспечить определенный минимум безопасности в обществе. Правда, он добавляет к этому и возможность приобретения некоторой магической власти над силами природы, что, в конце концов, можно рассматривать и как скрытую форму заботы об общественном производстве³⁰. При этом, хотя Саутхолл и показывает, что завоевание отнюдь не было типичной формой сложения алурских «княжеств», он все же считает единственной формой возникновения государственной организации, так сказать, наложение более развитого общественного организма на менее развитый, пусть даже и мирным путем. Тем самым он остается в рамках преобладающего в британской антропологии взгляда, считающего завоевание единственным путем возникновения государственности. Сомнения в правомерности подобного ограничения возможностей возникновения государственности стали появляться в британской литературе только к середине 60-х годов, да и то в довольно робкой форме. В этом отношении британские антропологи заметно отстали от своих американских коллег, которые уже в 1960 г. предложили достаточно стройную концепцию возникновения государства, пытающуюся связать это явление с уровнем развития хозяйства и производственных отношений в том или ином обществе³¹.

Дальнейшая попытка уточнения типологии Фортеса и Ивенс-Притчарда была сделана в уже упоминавшейся сводной работе, изданной под редакцией Дж. Миддлтона и Д. Тэйта. Здесь на базе рассмотрения институтов управления обществом у шести народов континента, не создавших еще государственной организации, были выделены три типа сегментных систем, различающихся тем, как соотносятся в них между собою и взаимодействуют агнатные линиджи, с одной стороны, и территориальные единицы — с другой³².

Но и в данном случае формальное разделение не учитывает различия в социально-экономическом уровне. Между тем ясно, что нельзя сводить различия между такими народами, как, скажем, мандари и динка, только к большему значению генеалогического принципа у первых. Ведь при этом не принимается во внимание, что динка представляют более высокую ступень хозяйственного и общественного развития, хотя бы уже потому, что у них смогла выделиться определенная прослойка знати, а их племена состоят из кланов, во многих случаях не связанных между собой генеалогическим родством³³. Заслуживает, однако, упоминания и то обстоятельство, что некоторые из ученых, принявших участие в этом сборнике, обратили внимание на то, что применение понятия «политическое» к отдельным сегментным обществам представляет неправомерную экстраполяцию нашей европейской терминологии на совершенно иную среду. Так, Л. Боханнан указывала, что у народа тив нет «ясно ограниченной сферы политических дел» и что «сегментная система этого рода функционирует не вопреки, но благодаря отсутствию туземного понятия политического»³⁴. Иными словами, исследовательница, видимо, чувствовала неточность применения подобного термина к отношениям, свойственным обществам догосударственного (т. е., с нашей точки зрения, доклассового) уровня, о чем говорилось ранее.

Среди британских работ, ставивших своей целью то или иное уточнение типологии, предложенной в «Африканских политических системах», несколько особняком стоит книга Л. Мэр «Первобытное правительство»³⁵. Собственно, название «Primitive government» в данном случае правомерно перевести и как «Примитивное правительство», поскольку речь идет именно о ранних, зачаточных формах государственности у ряда народов Восточной и Северо-Восточной Африки³⁶.

Не отказываясь формально от схемы Фортеса и Ивенс-Притчарда, Мэр фактически ее обходит: на место государства, т. е. определенной формы организации обще-

³⁰ A. W. Southall. Alur society, p. 243, 245, 246.

³¹ Ср.: M. H. Fried. On the evolution of social stratification and the state.— In: «Culture in history. Essays in honor of Paul Radin». N. Y., 1960, p. 713—730.

³² J. Middleton and D. Tait. Introduction.— In: «Tribes without rulers», p. 12—16.

³³ G. Lienhardt. The Western Dinka.— In: «Tribes without rulers», p. 130—132.

³⁴ L. Bohannan. Political aspects of Tiv social organisation.— In: «Tribes without rulers», p. 65.

³⁵ L. Mair. Primitive government. Harmondsworth, 1962.

³⁶ Мэр специально оговаривается, что определение «примитивный» не носит для нее оценочного характера по отношению к исследуемым народам (L. Mair. Указ. раб., с. 8).

ства, ставится правительство, т. е. то, как и кем осуществляется такая организация (здесь, так сказать, в зародыше присутствуют уже позднейшие типологии Ллойда и Саутхолла, о которых пойдет речь далее). Кроме того, и самый подход Мэр к изучению обществ группы «В» по Фортесу и Ивенс-Притчарду, т. е. безгосударственных, существенно отличен от того, что мы видели у ее предшественников. Она справедливо полагает, что невозможно ограничить формы управления безгосударственными обществами одними только взаимоотношениями между линиджами и, соответственно, говорит о трех вариантах этих форм.

Прежде всего, действительно, возможно отсутствие какой бы то ни было власти, за исключением авторитета глав линиджей. Такую форму управления исследовательница обозначает как «удовлетворение за обиды» (redress for wrongs). Речь здесь может идти только о самостоятельных карательных действиях потерпевшего либо о совместной акции его сородичей и сторонников. В такой системе управления видное место принадлежит иногда профессиональным посредникам, занимающимся мирным урегулированием споров и конфликтов; тем не менее, никакой обязательной властью эти лица не обладают³⁷.

Следующую форму управления безгосударственным обществом в своей типологии Мэр именует «минимальным правительством» (minimal government). Смысл его заключен в том, что даже при отсутствии единой власти, способной заставить повиноваться себе, в обществе всегда есть какие-то лидеры, к которым обращаются, когда дело касается решений, затрагивающих значительное число людей³⁸. Особо интересно обнаруживающееся при рассмотрении этого вида правительства сложное диалектическое взаимодействие статуса и богатства, например, у нуэров или лухья³⁹, когда оба эти элемента, усиливая действие друг друга, подготавливают переход к новым принципам социального деления.

Наконец, систему управления в обществах с возрастными классами как основой организационной структуры Мэр определяет термином «рассеянное правительство» (diffused government). Речь идет о правительстве, которое может быть названо состоящим из всего взрослого мужского населения, ибо общественные обязанности в теории в равной степени лежат на всех мужчинах⁴⁰. Исключительную важность в этом случае приобретала фигура идеологического лидера типа масайского laibon'a, тесно связанного с военной верхушкой⁴¹. Иначе говоря, в таких случаях мы имеем дело с начинающейся монополизацией выделившейся функции идеологического руководства обществом.

Если к этому добавить, что исследовательница прекрасно понимает необходимость наличия в распоряжении общества какого-то «избытка богатства» (surplus of wealth), для того чтобы сложилась центральная власть — «королевская власть», kingship, по определению Мэр⁴², то можно сказать, что первая часть книги по существу рассматривает разные стороны и этапы вызревания элементов государственной организации в некогда безгосударственных обществах. Характерно при этом, что если удовлетворение за обиды рассматривается в общем по Рэдклиф-Брауну, т. е. в рамках организованного применения силы⁴³, то при «минимальном правительстве» можно отметить и элементы руководства хозяйственной деятельностью коллектива⁴⁴. Но едва только Мэр начинает рассматривать африканские государства, как сразу же становится на чисто формальную позицию: «сущность государственной системы заключена в делегировании власти правителем, располагающим верховной властью (final authority)»⁴⁵. И точно так же формальны и главные, по ее мнению, характеристики традиционных государственных образований восточно-африканского региона, которые при некотором внешнем сходстве гораздо расплывчатее и неопределеннее приведенных ранее критериев Наделя. На таких позициях Мэр и остается в дальнейшем, несмотря на мно-

³⁷ L. Mair. Указ. раб., с. 36, 41, 48—60.

³⁸ Там же, с. 60.

³⁹ Там же, с. 64—66, 66—67.

⁴⁰ Там же, с. 78.

⁴¹ Там же, с. 85—88.

⁴² Там же, с. 109.

⁴³ Там же, с. 38.

⁴⁴ Там же, с. 65.

⁴⁵ Там же, с. 138.

жество точных наблюдений и характеристик тех или иных сторон исследуемых ею процессов и явлений.

Попытки уточнить типологию Фортеса и Ивенс-Притчарда при всей их полезности в принципе не могли решить задачу, стоявшую перед исследователями. Вместо единой и всеохватывающей типологии постепенно возникала такая дробность, которая угрожала вообще уничтожить возможность всякой типологии. Поэтому в 60-х годах начинаются попытки положить в основу классификации какие-то иные принципы вместо применявшегося до того сравнения уровней централизации власти и наличия специализированного административного аппарата.

Такой принцип, впрочем, найден был не сразу. В предложенной в 1962 г. видным бельгийским африканистом Я. Вансиной классификации африканских «королевств» сохранился в качестве критерия уровень централизации, однако он дополнялся еще и принципами комплектования местной администрации. Но еще более существенно было то, что Вансина вообще отказался от создания общей типологии, ограничившись только «королевствами», т. е. такими общественными организмами, где уже сложилась та или иная форма специализированной администрации. Кроме того, Вансина отказывается ставить вопрос о происхождении этих «королевств», мимоходом замечая только, что они имели характер «завоевательных государств» (*conquest states*)⁴⁶. Правда, определено он утверждает только то, что такие «королевства» расширялись военным путем. Истоки же подобной модели политической организации заключены в наследии королевств предшествующих эпох, ибо в Африке «королевства существовали весьма длительное время»⁴⁷.

Применяя двоякий критерий, о котором шла речь выше, Вансина выделяет пять типов государственных образований: королевства деспотические, «царственные» (*gegal*), инкорпоративные, аристократические и, наконец, федеративные⁴⁸. Поскольку эту свою типологию бельгийский исследователь рассматривает как «классификацию структурных моделей» — и только, можно, конечно, понять, что он считал себя вправе сравнивать политические структуры таких разных обществ, как, скажем Ашанти или Буганда, с одной стороны, и занде или алуры — с другой⁴⁹. Но при такой классификации весьма затруднительно увидеть, чем в конкретных условиях какого-то общества объяснялось появление того или иного типа политической надстройки. Притом в числе «королевств» оказываются также и такие структуры, которые мы никак не можем признать государственными, например, политические образования у шиллуков.

Схематизм и некоторая искусственность типологии Вансины, ее чисто формальный характер были сразу же подмечены многими западноевропейскими исследователями. Британский ученый П. Ллойд отмечает в первую очередь присущую ей, как и всем предшествовавшим ей классификациям, жесткую дихотомию: централизация — сегментация и (или) линидж — государство⁵⁰. Сам Ллойд предлагает иной подход к созданию типологии. По его мнению, акцент должен быть перенесен с административной структуры на процесс принятия решений политического характера. Собственно, в данном случае Ллойд развивает идею разграничения власти и управления, впервые предложенную в зарубежной африканистике М. Смитом еще в 1956 г. и уточненную им в 1960 г., отчасти под влиянием концепции К. Витфогеля⁵¹. А так как политика определяется соперничеством групповых интересов, то требуют выяснения, полагает Ллойд, три вопроса: как эти интересы выражаются и доводятся до сведения правящей элиты; как эта элита комплектуется и в какой мере выражает интересы общества в целом; как она связана с основной массой населения⁵². Поэтому в основе типологии Ллойда оказывается способ рекрутирования носителей административных должностей. Нетруд-

⁴⁶ J. Vansina. A comparison of African Kingdoms.— «Africa», v. 32, 1962, p. 324—335.

⁴⁷ J. Vansina. Указ. раб., с. 329.

⁴⁸ Там же, с. 333.

⁴⁹ Там же, с. 334.

⁵⁰ P. C. Lloyd. The political structure of African kingdoms. An exploratory model.— In: «Political systems and the distribution of power», p. 65.

⁵¹ M. G. Smith. On segmentary lineage systems.— «Journal of the Royal Anthropological Institute», v. 86, pt. 2, 1956, p. 39—80; *его же*. Government in Zazzau, 1800—1950. London — New York — Toronto, 1960, p. 18—20, 22—27.

⁵² P. C. Lloyd. Указ. раб., с. 73, 74.

но увидеть в таком подходе влияние теорий политических ролей, получивших в последние десятилетия заметное распространение в западной буржуазной социологии.

Правда, Ллойд оговаривает, что речь у него идет именно о модели «в математическом смысле — т. е. о совокупности переменных, связанных друг с другом так, что изменение значения одной из них будет связано с изменениями значений других»⁵³. В число переменных входят и такие важные характеристики, как «права на землю»⁵⁴. Но в типологии они остаются именно переменными, притом функцией, а не аргументом. В основу же модели кладутся все-таки три типа «рекрутирования политической элиты»: «представительный» — когда каждая генеалогическая группа населения имеет как таковая право на определенную должность в системе; доступность всех административных постов любому свободному мужчине при отсутствии закрепления постов за теми или иными генеалогическими группами; замкнутый тип — когда политические должности принадлежат исключительно членам «правлящего класса», составляющего лишь небольшую долю всего населения⁵⁵. Для подхода Ллойда вообще характерно гораздо большее внимание к экономическим аспектам проблемы, чем у его предшественников; и все же в сути своей и его типология остается формальной. Скажем, сопоставляя первый и второй варианты модели, он отмечает, что при последнем земля может принадлежать уже не *descent group*, а лицам, населяющим деревню или квартал⁵⁶. Но ведь различие это имеет принципиальное значение: речь идет о стадийно разных явлениях, у Ллойда же все три варианта лежат на одной горизонтали!

Существенно в типологии Ллойда и еще одно обстоятельство. Он, пожалуй, первый из британских антропологов-африканистов попытался вступить в научную полемику с учеными марксистского направления. Так, признавая, что содержание политической элиты требует взимания с непосредственных производителей дани или налога, Ллойд рассуждает следующим образом. Марксисты-де все это считают эксплуатацией производителя; но эксплуатацию можно свести к тем случаям, когда у сопротивляющихся и недовольных изымается продукт не для одной только политической элиты, но и для всей социальной группы, к которой последняя принадлежит («назовем ее правящим классом», добавляет он). Однако ведь при этом совершенно нельзя понять, в чем, собственно, в этом смысле различие между элитой и всем высшим слоем населения? Кроме того, знакомство с марксистской литературой у Ллойда в данном случае ограничено единственной работой И. И. Потехина о феодализме у ашанти⁵⁷. Никак нельзя свести «марксистскую концепцию классовой борьбы» к соперничеству между общинными вождями и членами правящей династии, рассматривая это соперничество как характерный пример классовой борьбы⁵⁸. Надо, тем не менее, сказать, что истолкование значения конфликтов в обществе у Ллойда намного шире и в принципе, вероятно, правильное, чем у антропологов манчестерской школы — Глукмана и его последователей, считающих конфликт в традиционных африканских обществах исключительно интегрирующим фактором⁵⁹. Характерно, кстати, что не один Ллойд попытался в какой-то мере воспользоваться марксистскими работами при рассмотрении конфликтных ситуаций в традиционных обществах континента. О возможности «сочетать» структурно-функциональную теорию с конфликтным подходом «по Марксу» в этих случаях говорил и Э. Саутхолл⁶⁰. Обращение к марксизму можно, конечно, только приветствовать. Но следует при этом помнить, что марксистская теория не терпит эклектического соединения с немарксистскими взглядами.

Весьма существенная деталь типологии Ллойда: сам он отрицает, что три его модели можно рассматривать как стадии прогрессивного развития африканских обществ и их политических институтов. В качестве аргумента приводится только один

⁵³ P. C. Lloyd. Указ. раб., с. 83.

⁵⁴ Там же, с. 88, 89.

⁵⁵ Там же, с. 84.

⁵⁶ Там же, с. 102.

⁵⁷ Там же, с. 77, 78.

⁵⁸ Там же, с. 80.

⁵⁹ M. Gluckman. *Custom and conflict in Africa*. Oxford, 1955; *ego же*. *Order and rebellion in Tribal Africa. Selected essays with an autobiographical introduction*. London, 1963; *ego же*. *Politics, law and ritual in Tribal Africa*. Oxford, 1965.

⁶⁰ A. W. Southall. *Orientations in political anthropology*. — «Canadian Journal of African Studies», v. 3, 1969, № 1, Winter, p. 50.

довод: третий вариант (замкнутая политическая элита) вовсе не обязательно оказывается последней ступенью. Он может быть и первой — в случае завоевания. И мы, таким образом, вновь возвращаемся к старой, восходящей еще к Ф. Оппенгеймеру, теории происхождения государства в результате завоевания⁶¹.

Можно, следовательно, говорить о том, что рассмотрение в западноевропейской немарксистской этнографии проблем, связанных с африканскими политическими структурами, до настоящего времени оставалось в рамках преимущественно формальных типологий. Поэтому изучение таких вопросов, как пути сложения африканских государств, а главное — их существо, во многом ограничивается внешней стороной явлений.

Что дело обстоит именно таким образом, свидетельствует последняя по времени из предложенных британскими исследователями типологий — та, которую разработал Саутхолл в 1965 г. Справедливо критикуя своих предшественников — Э. Ивенс-Притчарда, Р. Лича, Л. Мэр и других — за недостаточный уровень генерализации, Саутхолл, тем не менее, свою новую типологию, развивающую ту, что была предложена в «Алурском обществе», строит опять-таки на вторичном факторе: дифференциации политических ролей⁶². К этому критерию он добавляет еще один: характер делегирования власти и полномочий в системе. На этом основании предлагаются три ступени в развитии африканских доколониальных политических структур: сегментно-политическая, сегментно-пирамидальная, сегментно-иерархическая⁶³.

Первая в общем соответствует категории *stateless* в классификации «Африканских политических систем», последняя — в основном «преобладающая в современном мире» (понятно, что различия между политическими структурами современного мира в зависимости от их социальной основы Саутхолл не делает). Большинство же африканских политических систем, по мнению исследователя, не достигло этой высшей стадии, задержавшись на уровне сегментных или «конфедеративных» государств, как раз и образующих сегментно-пирамидальные структуры.

Что большая часть доколониальных политических образований Африки не достигла уровня развитой государственности — с марксистской точки зрения, бесспорно. Однако типология Саутхолла никак не объясняет причин, приведших к оформлению того или иного типа политической структуры, ее социально-экономических основ, ограничиваясь чисто организационной стороной такой структуры. Конечно, типология эта очень подробна и может оказаться весьма полезной как рабочий инструмент; но она именно ничего не объясняет. И как раз поэтому, кстати, она способна служить хорошей иллюстрацией неприложимости к исследованию доколониальных африканских обществ концепций М. Вебера, к которым восходит в основном аргументация Саутхолла. И не его одного: влияние Вебера вообще весьма ощутимо во многих британских работах (что, кстати, признают и сами британские антропологи⁶⁴).

Французские исследователи обратились к изучению политических явлений в африканских обществах гораздо позже своих коллег с другого берега Ламанша — практически уже в 60-х годах. И начинали они свои работы с более высокого теоретического уровня. В частности, французские африканисты даже немарксистского направления испытывали гораздо большее воздействие марксистских идей и потому оказались намного более гибкими в оценке социальных и политических явлений в африканских обществах.

Характерно при этом, что для большинства французских авторов изучение политических структур в доколониальной Африке оказалось неразрывно связанным с исследованием проблемы африканского феодализма. Сама эта проблема не может рассматриваться в рамках настоящего сообщения — она заслуживает особого анализа и в силу своей важности и из-за объема накопленного материала. Однако при ознакомлении с французскими работами вопрос «что такое феодализм?» практически не может быть отделен от изучения политических отношений и политических структур.

⁶¹ P. C. Lloyd. Указ. раб., с. 107.

⁶² A. W. Southall. A critique of the typology of states and political systems, p. 123—126.

⁶³ Там же, с. 126—129.

⁶⁴ Это отмечают, например, Глукман и Эгган — см. M. Gluckman and F. Eggan. Указ. раб., с. XVIII, XIX; A. Richards. Introduction. — In: East African chiefs, London, 1960, p. 8.

В этом мы убеждаемся уже на примере одного из самых ранних исследований такого рода — работы Ж. Макэ, в которой дано было цитированное ранее определение политических отношений (см. выше). Ибо из этого определения политического как совокупности всех отношений между управляющими и управляемыми непосредственно следует вывод: феодализм есть политический строй, ибо он система организации таких отношений⁶⁵. Макэ знаком с марксистским определением феодализма, однако это определение считает недостаточным именно потому, что оно, по его мнению, недооценивает политический фактор (например, отношения вассалитета внутри самого класса феодалов). Отсюда Макэ делает вывод: «Возможно, что политический строй соответствует способу производства, но это необязательно»⁶⁶. Правда, исследователь признает, что государство предполагает постоянное принуждение, следовательно, и аппарат для такового. Но из этого следует несколько неожиданное заключение: из наличия такого аппарата и проистекает, по мнению Макэ, разделение общества на два четко различимых класса⁶⁷. Иначе говоря, в основе подхода опять-таки лежит надстроечное явление — ведь смысл управления, то, чем надлежит управлять в первую очередь, т. е. прежде всего функционирование общества как экономического организма, вовсе не затрагивается. А ведь Макэ в общем признает, что в основе общественного развития лежит развитие производства!

Не лишена, впрочем, интереса та оговорка, которой Макэ сопроводил это признание примата общественного производства. Признание это, говорит Макэ, не следствие философской позиции, а просто итог полевого опыта; автор не утверждает, что реальность должна соответствовать такой схеме. Ибо в последнем случае речь шла бы уже не о рабочей гипотезе, а о концепции⁶⁸. Иными словами, исследователь менее всего склонен занимать сколько-нибудь четкую мировоззренческую позицию.

Как политическое отношение выглядит феодальная зависимость и в более поздней работе Макэ. Это видно хотя бы из того, что в описании отношений зависимости в Межозерье подчеркнуто: внутри верхнего слоя общества феодальные отношения (понимаемые как взаимные обязательства) заменяют политические институты. Таким образом, и здесь отношения эксплуатации, лежащие в основе государственной структуры, выпадают из поля зрения⁶⁹.

Тенденция к отделению феодализма «политического» от его экономического и социального аспектов и, в частности, от такого распространенного в Африке социально-экономического явления, как клиентела, проявилась не у одного Макэ. Так, в самой откровенной форме присутствует она у Р. Вердьё⁷⁰. И еще более резко она отразилась у некоторых участников специального номера журнала «Cahiers d'Etudes Africaines», посвященного отношениям зависимости в доколониальной Африке. Так, Р. Ботт и его соавторы, с одной стороны, полагают, что клиентела — это модель, обозначающая отношения вассалитета вне общенсторического контекста, а с другой — обвиняют коллег в двух «молчаливых допущениях»: аналогии с европейской системой и постулате о причинной связи, существующей между зависимостью и централизованной политической системой⁷¹. Нетрудно видеть, что здесь в скрытой форме содержится тезис об отсутствии какого бы то ни было сходства исторических условий в Африке с европейскими и одновременно подразумевается отрицание правомерности применения к Африке понятийного аппарата науки, выработанного на базе изучения европейских обществ. И речь идет даже не о теории общественно-экономических формаций — трудно требовать ее применения от ученых-немарксистов, а о таких понятиях и категориях, как рабство, феодализм или феодальные отношения. В логическом своем раз-

⁶⁵ J. Maquet. Указ. раб., с. 296.

⁶⁶ Там же, с. 297, 298.

⁶⁷ Там же, с. 299.

⁶⁸ Там же, с. 313.

⁶⁹ J. Maquet. Institutionalisation féodale des relations de dépendance dans quatre cultures interlacustres.—«Cahiers d'Etudes Africaines», v. IX, 1969, № 3 (35), p. 409.

⁷⁰ R. Verdier. Observations préliminaires à une étude sociologique des systèmes politiques négro-africains traditionnels.—In: «Recueils de la société Jean Bodin pour l'histoire comparative des institutions», XXII — «Gouvernes et gouvernants». Bruxelles, 1969, p. 161, 162.

⁷¹ R. Botte, F. Dreyfus, M. Le Pape, Cl. Vidal. Les relations personnelles de subordination dans les sociétés interlacustres de l'Afrique Centrale.—«Cahiers d'Etudes Africaines», v. IX, 1969, № 3 (35), p. 351, 352.

витии такой подход ведет к имплицитному признанию существования «особого пути» исторического развития Африки и в конечном счете — к отрицанию единства всемирно-исторического процесса, что совершенно неприемлемо для марксистской науки.

В работах Ж. Ломбар, в особенности в книге «Структуры феодального типа в Черной Африке»⁷², также подвергнута критике дуальная схема Фортеса и Ивенс-Притчарда. Но Ломбар с самого начала ставит вопрос иначе, чем британские критики этой типологии: для него проблема упирается в критерии типологизации. Ибо, справедливо полагает исследователь, на одном лишь уровне централизации и эффективности власти границу между обществами типов «А» и «В» определить невозможно. В этом с Ломбаром можно согласиться, но сам он ответа на поставленный вопрос не дает. Глубинные причины различий между разными типами политической организации, т. е., в конечном счете, уровень социально-экономического развития того или иного общества, остаются нераскрытыми. Это тем более досадно, что в нескольких работах Ломбар хорошо показано, как новые отношения, построенные на эксплуатации непосредственных производителей, взрывают старую систему кровнородственных отношений, на которой некогда держалось традиционное общество. Правда, явления эти Ломбар рассматривает в политических категориях, говоря об отношениях феодальных, или феодального типа⁷³. Иначе говоря, для него, как и для Макэ или Вердые, феодализм — это в первую очередь именно политические отношения. Феодальные тенденции в африканских обществах, говорит Ломбар, следует определять более в смысле формы политической организации и типа общественных отношений, основанных на личных связях, но не на реальных правах, построенных на феоде⁷⁴.

И все же Ломбар делает заметный шаг вперед по сравнению с Р. Колборном, хотя именно колборновское определение феодализма как способа управления, но не социально-экономической системы⁷⁵, он почему-то считает более всего приложимым к африканским общественным системам. В собственном определении Ломбара сделана попытка сочетать социально-экономический и политический моменты: «В негро-африканских обществах система „феодального“ типа, или с „феодальными“ тенденциями представляет одновременно построенную на неравенстве социальную структуру, порождающую ясно определенные социально-экономические и даже политические отношения между разными социальными категориями, могущие быть названными вертикальными отношениями, и децентрализованную политическую структуру, в которой областные правительства пользуются известной автономией и экономическими привилегиями, но связаны с верховной властью в центре личными узами, могущими быть не только политического порядка, но и семейного и экономического»⁷⁶. Тем не менее и это определение страдает половинчатостью: дело в том, что для Ломбара основой остается все же политическое преобладание, позволяющее даже при типичном для Тропической Африки, во всяком случае для большей ее части, сохранении ритуальной власти над землей за так называемыми «хозяевами земли» (*chefs de terres*), т. е. представителями коренного населения, при завоевании их территории, производить перераспределение материальных выгод в пользу завоевателей⁷⁷.

Такого рода параллелизм политической и поземельной структур отмечал и Ж. Баландь, считавший его типичным для традиционной Африки⁷⁸. Надо признать, что вообще взгляды этого ученого по поводу политических структур Тропической Африки отличается наибольшая среди французских авторов последовательность. Так, Баландь подчеркивает, что в доколониальной Африке государство сравнительно редко приобретало завершенную форму и существовало скорее как тенденция. Говорит он и о том, что неравенство социальных статусов может стать прообразом классовой структуры общества⁷⁹, особенно учитывая то, что традиционному обществу органически присущи

⁷² J. Lombard. Structures de type feodal en Afrique Noire. Etude des dynamismes internes et des relations sociales chez les Bariba de Dahomey. Paris — La Haye, 1965.

⁷³ J. Lombard. La vie politique dans une ancienne société de type feodal: les Bariba de Dahomey. — «Cahiers d'Études Africaines», v. I, 1960, № 3, p. 7.

⁷⁴ J. Lombard. Structures de type feodal en Afrique Noire, p. 371.

⁷⁵ «Feudalism in History. Ed. by R. Coulborn». Princeton, 1956, p. 5—7.

⁷⁶ J. Lombard. Structures de type feodal en Afrique Noire, p. 371.

⁷⁷ Там же, с. 369.

⁷⁸ G. Balandier. Указ. раб., с. 158.

⁷⁹ Там же, с. 99, 156.

неравенство и отношения зависимости⁸⁰. Но, по мнению Баландьё, в условиях сегментных обществ в силу их низкого технико-экономического уровня неравенство экономическое менее значимо, нежели неравенство генеалогическое и ритуальное⁸¹. Добавлю, однако, что здесь надлежит разграничивать субъективное восприятие неравенства или каких-то его форм самими членами общества и объективную важность в историческом развитии той или иной его разновидности. В противном случае определяющий характер экономического фактора оказывается как бы смазанным.

Небезынтересно отметить, что последний тезис Баландьё перекликается с мнением видного британского антрополога Дж. Гуди, который на основании несходства земледельческой технологии в Африке и Европе утверждает, что в первой невозможно было возникновение феодальных общества и государства, аналогичных европейским⁸². Гуди полагает, что в условиях Тропической Африки не могли сложиться те поземельные отношения, которые в Европе служили основой всей феодальной структуры. В частности, он сомневается, можно ли рассматривать как эксплуатацию содержание непосредственными производителями тех, кто распоряжается землей,— это может быть просто «ответной услугой» и у нас нет способа проверить, как обстоит дело (по *real test*)⁸³.

Верно, что такого рода явления не обязательно суть эксплуатация— это в конце концов зависит от уровня общественного развития в каждом конкретном случае, что можно установить только при детальном рассмотрении основных сторон того или иного общественного организма. И надо сказать, что как раз большинство африканских обществ, материалом которых оперирует Гуди, отличал довольно высокий уровень социально-экономического развития, и это позволяет говорить именно об эксплуатации, а не об «обмене услугами». Но такой «технологический детерминизм» не выдерживает критики еще и потому, что в литературе (в том числе советской) была показана возможность создания и отчуждения в Африке прибавочного продукта при мотыжном земледелии⁸⁴.

Тем не менее книга Гуди заслуживает того, чтобы быть отмеченной особо, как довольно необычное явление в британской антропологической литературе. Правда, когда Гуди отмежевывается от «грубого материалистического детерминизма», его концепция неожиданно приобретает довольно сомнительное политическое звучание— в виде требования не модернизировать экономику африканских стран в наши дни по «американской и советской моделям»⁸⁵.

Итак, даже беглое рассмотрение некоторых ведущих тенденций западноевропейской этнографической науки в изучении политических структур доколониальной Африки показывает невозможность решить вопросы типологии и характера политических образований, существовавших на континенте, с методологических позиций буржуазной науки. Только применение марксистско-ленинской методологии позволяет разрешить эти проблемы так, чтобы логическая конструкция не приходила в противоречие с фактическим материалом. Поэтому исследователям в социалистических странах и ученым-марксистам в странах Западной Европы следует обратить серьезное внимание на изучение данного круга вопросов.

⁸⁰ G. Balandier. Les relations de dependance personnelle: presentation du theme.— «Cahiers d'Etudes Africaines», v. IX, 1969, № 3 (35), p. 347.

⁸¹ G. Balandier. Anthropologie politique, p. 76.

⁸² J. Goody. Technology, tradition and state in Africa. London — Ibadan — Accra. 1971.

⁸³ Там же, с. 31.

⁸⁴ См., например: G. Brasseur. Pression demographique et equilibres naturels.— «Notes Africaines», 1961, № 91—92; В. В. Крылов. Основные тенденции развития аграрных отношений в Тропической Африке.— «Народы Азии и Африки», 1965, № 4; *его же*. Азиатский способ производства как особая форма рабства или феодализма.— В кн.: «Общее и особенное в истории развития стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (азиатский способ производства)». М., 1966

⁸⁵ J. Goody. Указ. раб., с. 76.